



Владимир Линденберг

Четвертый царь

От редакции

Краткий евангельский рассказ о поклонении волхвов Божественному Младенцу (Мф. 2, 1–12) ясно свидетельствует нам о том, что и языческая церковь, подобно ветхозаветной иудейской, была приготовлена Божественным Промыслом к принятию Обетованного Мессии и действительно приготовилась к сему в лице лучших своих представителей — восточных мудрецов. Языческая неплодющая церковь узнала чаяние языков (Быт. 49, 10) и в лице волхвов преклонилась перед дивным Младенцем, Который вскоре имел собрать воедино расточенные чада Божии.

Некоторые из отцов и учителей Церкви (Златоуст, Киприан, Тертуллиан, Августин) полагают, что волхвы были царями, если не в смысле вождей или предводителей небольших племен, то в смысле старост небольших городов. Относительно числа волхвов существует двойное предание: святитель Златоуст и блаженный Августин говорят, что их было двенадцать, но по обыкновенному представлению, возникшему, по всей вероятности, от тройственности даров, их было трое. Преподобный отец VII века Бйда Достопочтенный сообщает имена трех волхвов и описывает их наружность: Мельхиор — старец с седыми волосами и длинною бородою, Каспар — румяный и безбородый юноша, Вальтасар — смуглый человек зрелых лет. В Кёльнском соборе находятся черепа этих трех волхвов-царей, увенчанные драгоценными коронами; их перенес в Кёльн император Барбаросса в 1200 году.

* * *

Три святых царя играли в моей жизни большую роль с самого детства. Мы жили в подмосковной усадьбе в Гирееве. Каждое Рождество к нам в Белый дом приходили три святых царя. С раннего утра я с нетерпением ждал, когда же они появятся в парке — красивые, в золотых коронах, обвешанные блестящей мишурой. Вот они важно шествуют мимо парадной двери, громко стучат и входят в дом... Я знаю, что это деревенские ребята и короны на их головах самодельные, из бумаги, и колядуют они, распевают рождественские песни, чтобы наполнить свои мешочки конфетами, яблоками, орехами... Но все это не важно. Я знаю, что угольно-черный цвет лица царя Вальтасара — от обыкновенной жженой пробки, лукаво сверкают знакомые светло-голубые глаза — но я не хочу узнавать одного из моих деревенских приятелей, для меня он — святой царь... После каждой колядки цари выжидающе замолкали, и в их мешочки сыпалось угощение. Тогда цари начинали петь новую колядку, и так до тех пор, пока видели: больше они уже ничего не получают. Еще раз на прощание поздравив всех с праздником, с Христовым Рождеством, они уходили, часто недовольные размером вознаграждения за труды. А мне,

и сестричке Вере, и двоюродному брату Алеше так хотелось, чтобы они пели еще и еще — пусть хоть все наши сладости перейдут в их мешки...

Позже мы сами стали играть в царей. В расположенной рядом усадьбе дяди Вани Тарлецкого, в Старом доме, было одно волшебное место — огромный чердак. Там в громадных сундуках хранились вещи умерших предков Тарлецких. Здесь были и одежда, и какие-то личные безделушки, и пачки писем. Кто-то из членов семьи уходил из жизни, но появлялись новые, и надо было освобождать пространство для их личной жизни. Там, на чердаке, было сложено в стопку огромное количество женских портретов. Если женщина уходила из семьи Тарлецких или умирала, ее преемнице едва ли доставило бы удовольствие постоянно видеть перед собой изображение предшественницы, жить под пристальным взглядом бывшей хозяйки. Портреты перемещались на чердак, здесь они никому не мешали и их никто не трогал.

Другое дело одежда. Когда мы, дети, получили доступ к сундукам, для нас перед Рождеством это становилось величайшим праздником. Открывать сундук приходилось с огромными усилиями, при этом его крышка так пронзительно скрипела, как будто не хотела отдавать хранящиеся столетиями сокровища в руки детей.

Мы с восхищением разглядывали великолепные выцветшие атласные одеяния прабабушек, представляя себе, как гордо выплывали они в роскошных платьях в бальную залу, как почтительно раскланивались, придерживая пышные юбки, перед самим Петром Великим, перед его дочерью, императрицей Елизаветой, или перед Екатериной Великой. Бережно расправляли эти великолепные наряды, наслаждались легким, сладким запахом тления. А потом на нас накатывала радость обладания, и из парадных костюмов мы вырезали королевские мантии, тюрбаны и банты. Вечером печник Степка кидал в печь обрезки от костюмов; огонь весело пожирал остатки былой роскоши, а пламя было ярким и многоцветным, тоже праздничным.

С утра пораньше мы приходили в Старый дом, одевались в костюмы царей, и тут с нами происходили необыкновенные превращения. Богатые, изысканные ткани, красивые короны придавали нам необычную важность. Мы были уже не живые, шумные и невоспитанные дети — мы приобретали сакральное достоинство и вели себя как волхвы-мудрецы или цари. Движения наши становились плавными, широкими, несколько замедленными, говорили мы торжественно, «мудрыми» словами, тихим голосом. Мне и в голову не приходило посмеяться над маленькой Верой или Алешей — и я сам, и они ощущали себя в качестве святых образов. В стройном порядке, чинно и благородно шествовали мы через огромный парк, иногда останавливаясь и кланяясь деревьям и кустарникам, которые нам почему-то особенно понравились. Мы клали поклоны перед могилами предков в кладбищенской часовне, а затем шли к могиле злой нашей прабабки Тамары, которая вела такую греховную жизнь, что похоронена была вне церковной ограды и огорожена железной решеткой. И после смерти злая Тамара Тарлецкая не могла обрести покой и имела обыкновение по ночам в виде привидения появляться в усадьбе и пугать людей. Затем мы благоговейно молились в маленькой церкви, которая была построена ханом Гиреем в XII столетии. И мы гордились: какая честь выпала этой церкви — три святых царя побывали в ней!

Затем так же чинно, не торопясь мы возвращались в дом. В зале стояла большая рождественская ель. Под ней дядя Ваня каждый год искусно устанавливал старинный вертеп. Собственно, это был целый итальянский городок. На крутом горном склоне стояли домики и часовня. Пастухи с овцами на спинах спускались вниз с крутой горы. Под соломенной крышей — ясли, в них Младенец Христос, рядом сидят Мария и Иосиф; осел и вол склонились над яслями — наверное, жевали пелены Божественного Ребенка. Слева, рядом с яслями, стояли, преклонив колена, три царя, принесшие Спасителю дары — золото, ладан и смирну. Немного поодаль сильные, красивые юноши с трудом удерживали породистых царских коней... Правда, один красавец конь стоял на трех ногах, у других фигур тоже были некоторые неисправности: у кого-то отвалились пальцы или даже целая

рука, у кого-то были повреждены носы. Еще бы: более ста лет эти фигуры в сочельник аккуратно и бережно распаковывались и устанавливались вокруг яслей. Однако праздник Рождества заканчивался, служанки были утомлены продолжительным постом и праздничными хлопотами, и отыгравшие свою роль фигурки бесцеремонно, как попало убирали в ящики, перекладывая опилками. Многочисленные фигуры и детали итальянского пейзажа вылезали, как поднимающееся тесто, через края ящика. Тогда их старались утолочь, грубо придавливали крышкой и переправляли на чердак до следующего Рождества.

Слуга Микола объявлял, что подан чай. Мигом исчезали все наши прежние святость и царское достоинство, мы сдергивали нетерпеливо с себя приставшие одеяния и бросали их, знаки царского достоинства, без всякого уважения на пол. Няня молча, с упреком в глазах качала головой и убирала за нами. А мы спешили как можно быстрее оказаться в чайной гостиной. Теперь мы были обыкновенные дети — Вера и Бобик из Белого дома и Алеша из голицынской усадьбы.

Однако мои мысли постоянно вращались вокруг событий праздника Рождества.

— Откуда и почему три святых царя? В нашей Библии ведь говорится только о волхвах. И о воле и осле там ничего не сказано!

Дядя Ваня посмотрел на меня оценивающе. Он знал мою дотошность и понимал, что просто так от моих вопросов не отмахнешься.

— Евангелие основано на Ветхом Завете, который содержит много пророчеств о пришествии, жизни и смерти Христа. Так, в псалме 67-м сказано: «Ради храма Твоего в Иерусалиме цари принесут Тебе дары». И в 71-м псалме: «Цари Фарсиса и островов принесут ему дань; цари Аравии и Савы принесут дары». Евангелист Матфей рассказывает о том, что «пришли в Иерусалим волхвы с Востока и говорят: где родившийся царь Иудейский?». Их было трое. Потом сложилось предание, что эти восточные мудрецы были цари — Каспар, Мельхиор и Вальтасар. Однако у нас на Руси существует легенда, согласно которой приветствовать Иисуса шел еще и четвертый святой царь. Он был родом с далекого, неизведанного Севера. Он тоже вычитал из звезд Пророчество о рождении Младенца царского рода и отправился на поиски Его. В дар Ему он взял мешок янтаря — то, чем была богата его северная страна. Когда он на своем пути повстречал трех других царей, тоже шедших поклониться Младенцу, он пошел вместе с ними, куда вела их звезда. Однако на пути они нашли тяжело израненного купца, на караван которого напали разбойники. Царь северной страны перевязал ему раны и взял его с собой. Однако цари не могли задерживаться — звезда, которая указывала им путь, не стояла на месте. Тогда четвертый царь остался с раненым один. На третий день купец умер на руках северного царя. Похоронив его, северный владыка двинулся дальше. Помните историю о милосердном Самарянине, сообщенную Иисусом? Она сходна с историей четвертого царя.

Царь тщетно искал звезду — он не мог ее больше видеть, однако точно знал, что она указывала путь на восток. Однажды он проходил через деревню и услышал громкий плач из одного дома. Войдя в дом, нашел отца семейства мертвым. Жена его лежала при смерти в постели. Вокруг нее стояли пятеро маленьких детишек, растерянных и беспомощных, и не было никого поблизости, кто бы захотел им помочь. Царь отправился к трем старейшинам деревни, попросил их позаботиться о сиротах и передал им мешок с янтарем — дары, предназначенные для Царя, Которого он шел приветствовать. Дальше он отправился с пустыми руками, однако это его не смущало.

Проходя один город, царь был поражен: на базарной площади продавали рабов. Такого на его родине не было. Там жили только свободные люди и не было никаких рабов. Как раз в это время был выставлен для продажи юноша. Его мать рыдала и ломала от отчаяния руки — ведь это был ее единственный сын, ее кормилец. Горе матери глубоко тронуло северного царя. У него не было денег, не было ничего, что могло бы послужить выкупом за юношу. Но он предложил себя вместо юноши в качестве раба. Торговец посмотрел на

него оценивающе, пощупал его мускулы и согласился на сделку. Молодого человека отпустили к своей матери, а царя приковали вместе с другими рабами к галере. Он потерял счет годам, пребывая в унижительном состоянии рабского бесправия, прикованный к галере. Он не жалел о том, что заложил свою жизнь, сокрушался только, что не может достигнуть своей цели — приветствовать нового Царя в Его достоинстве. Однажды на галеру напали пираты. Все офицеры были перерезаны, а рабы высажены на берег и стали свободными. И северный царь продолжил свой путь дальше. И вот пришел он в огромный город. Город этот назывался Иерусалим. Был канун большого праздника. Ему повстречалась странная процессия. Изможденный молодой человек нес на себе очень тяжелый крест. За ним следовали священники, солдаты и народ. Лица людей были перекошены злобой и ненавистью, не было ни одного радостного человека, как это приличествовало бы празднику. Когда царь проходил мимо крестonosца, их взгляды встретились.

Царь содрогнулся: где он уже видел это лицо? Почему этот человек кажется ему таким знакомым и даже родным? Он похож на купца, скончавшегося от ран; однако похож и на отца семейства, детей которого удалось спасти от голодной смерти. Но как напоминает он и юного раба, освобожденного от галеры! Совершенно невероятно — как все они могли слиться в одном лице?

Царь последовал за процессией. И вот они дошли до Голгофы — места казни. Из-за толпы царь не мог видеть, что там делают стражники. Он только слышал удары молотка, вколачивающего гвозди. Но вот над толпой вознесся крест. Его подняли с большим трудом, и на нем был распят человек, несший крест. Над головой распятого была помещена надпись, крупные начальные буквы которой составили слово INRI. Царь пробился ближе к месту казни и прочитал весь текст: «Jesus Nazarenus Rex Iudaeorum». Иисус Назаретянин, Царь Иудейский... Так это и есть Тот самый Царь, приветствовать Которого он отправился из своей северной страны кельтов более тридцати лет назад! Судьба привела его к Царю, однако не к началу, а к концу Его жизни...

Он преклонил колена в неизглаголанном почтении и пребывал неподвижным на месте глубочайшего унижения и смирения Сына Божия. Что по сравнению с этим были тридцать лет его рабской службы на галере?

Дядя Ваня окончил свой рассказ, но все за столом сидели молча, не шелохнувшись, будто ждали продолжения.

— С тех пор на земле есть два человека, над которыми не властна смерть. Первый — иудей Агасфер (Вечный жид. — Пер.). Он отказался помочь Сыну Божию, когда тот упал под тяжестью креста. Мало того, Агасфер плюнул в Него. Теперь он, не зная отдыха, странствует по миру, и всюду его встречают презрением и ненавистью. А второй избавленный от смерти — наш безымянный царь из страны кельтов, который также до сих пор пешком странствует по земле. Везде, где он встречается с нуждой, болезнью или страданием, он вступает во имя большего Царя Иисуса Христа и помогает людям. ...Мы возвращались в наш Белый дом притихшие и молчаливые. Снег поскрипывал под ногами. Над нами был чудовищно черный небосвод с мириадами сверкающих и блестящих звезд. Иногда одна из них падала вниз. Она пересекала весь небосвод и разлеталась на искорки. У нас захватывало дыхание. Мы не могли и не желали это объяснять — почему падают звезды и что это означает. Это было просто чудо, и мы не желали знать его разгадку, просто сохраняли его в потаенных закоулочках наших сердец. А в четвертого царя мы все поверили, как в реального человека, и всегда, когда нам встречался бескорыстный, добрый, милосердный человек, помогающий, дающий советы, прислушивающийся к боли других, мы спрашивали себя: не тот ли самый легендарный царь из страны кельтов встретился нам?

В душе русского человека живет постоянная готовность к таким трансцендентальным встречам. Для него Христос всегда присутствует на этой земле. Слова Спасителя: «Я с вами во вся дни до скончания века» — являются для русского народа действительностью.

Недаром такую непреходящую, реальную ценность имеет для русского народа рассказ о явлении Господа эммаусским путникам. Два утраченных и растерянных ученика Иисуса после распятия Учителя шли из Иерусалима. Дорогой к ним присоединился некий посторонний человек и, приблизясь, пошел с ними. Они внимательно присматривались к нему — не соглядатай ли это? Однако постепенно они проникаются доверием к Нему и рассказывают Ему все, что пережили. И когда они нашли в Эммаусе место для ночлега, они просят Его разделить с ними вечернюю трапезу. И только в тот момент, когда Он, как всегда, преламявает хлеб и произносит над ним благословение, им открывается, что это их Учитель. Этот образ неузнанного, скрытого от наших глаз Сына Божия глубоко укоренился в сердцах православных христиан. И при каждой трапезе крестьяне нередко кладут лишнюю ложку на стол — для «Гостя». Здесь соединяются друг с другом готовность к встрече со Христом и с царем из страны кельтов, который странствует, выполняя предначертанное ему.

Еще будучи одиннадцатилетним мальчиком, я побывал с моей матерью в Кёльнском соборе. И оба раза я испытывал непонятный сильный трепет перед золотой ракой-ковчежцем трех святых царей. Я просто не мог оторвать от нее глаз. Здесь, на расстоянии метра от меня, в драгоценных и изысканных готических ковчежцах лежали останки или частицы от останков тех волхвов. Пришедшие в собор люди, проходя мимо нас, смотрели не на ковчежец, а на чужестранного отрока в русском гимназическом кителе, неподвижно, как загипнотизированный, застывшего перед ракой-ковчежцем.

...К нам подошел настолько старый человек, что у меня мелькнула мысль: не четвертый ли царь стоит возле раки. Он заговорил по-немецки, но на кёльнском диалекте, и мы с трудом понимали его речь. Он сказал нам примерно следующее. Жители Кёльна горды тем, что останки трех святых царей хранятся в их городе. В честь трех святых царей на гербе города три царские короны. Император Фридрих Барбаросса лично доставил останки трех святых царей торжественной процессией из Милана через Альпы в Кёльн. Отцы города сочли, что ни одни городские ворота не подходят для такого торжественного случая — встречи святых останков. В городской стене в честь трех святых царей проломили специальные ворота, через которые и была внесена рака с мощами...

В волнении я схватил его старческую, морщинистую руку и спросил на ломаном немецком, существуют ли эти ворота сейчас. Старик повел нас к ним. Он шел очень медленно, а я в нетерпении рвался вперед, как неутомимый молодой пес, чтобы быстрее попасть к этому освященному месту. И вот мы дошли. Это были довольно узкие ворота с готической аркой, под которой было помещено рельефное изображение поклонения царей. Ворота были намного меньше и уже, чем городские. Однако они были удивительные. Я разглядывал каждую деталь, не мог оторваться от них.

В конце концов у моей матери кончилось терпение, и она настойчиво стала просить меня покинуть это место. Старик дружески улыбнулся: «Не сердитесь на него — юноша в таком восторге... Создается впечатление, будто он сам участвовал в процессии императора Барбароссы». Мама дала старику несколько монет и поблагодарила его за экскурсию: без него мы не узнали бы удивительной истории. Старик поклонился ей и вернул монеты обратно: «Если уж вы хотите мне как-то заплатить, то не нашли бы вы монету с вашей родины? Я охотно сохранил бы ее на память». Мама порылась в своей сумочке и ничего не нашла. Однако у меня, в моем кошельке была золотая десятирублевая монета, которую тетя Элла*, Великая княгиня Российская и сестра царицы, сунула мне в карман при последнем посещении. Мне было жаль расставаться с подарком своей крестной, однако встреча со святыми царями была для меня настолько важным событием! Я вынул монету и подал ее старику. Он осмотрел ее и ужаснулся: «О Боже, о Боже! Это ведь золото! Я не могу принять его от вас! — После некоторого раздумья он сказал: — И все-таки я возьму ее — цари ведь тоже приносили золото Младенцу Христу. Эту монету я сохраню с высоким благоговением!»

С того события прошло шестьдесят два года. Две опустошительные войны пронесли над

миром. Моя родина Россия была радикально изменена революцией. Национал-социализм отбросил Германию в страшное варварство. Я бежал со своей исконной родины и обрел вторую родину в Германии.

Однажды я попал в Аахен, где выступал с докладом на медицинском конгрессе. Бесчисленные высокоученые и чрезмерно серьезные доклады утомили меня, и одним воскресным утром я ускользнул с заседания и отправился в музей. С восторгом рассматривал я полотна готических мастеров. Неожиданно мне на глаза попало изображение поклонения трех святых царей. Забыв все на свете, рассматривал я полотно. И чем дальше я его рассматривал, тем меньше оставалось сомнений: царей было не три, а четыре! Мой любимый таинственный четвертый царь из страны кельтов был изображен на полотне. Картина, вероятно, была создана во второй половине XV столетия. Все здесь было расположено как и подобает, все соответствовало традиции: Святое Семейство — справа на холсте, слева — три царя, поклоняющиеся Младенцу, на заднем плане — пастухи, лошади и верблюды, и ангелы в небе, и звезда. Однако за одной колонной, справа от яслей, стоял полуобнаженный человек в оборванной одежде и робко и застенчиво, с трепетом смотрел на ясли, в которых лежал Младенец Христос. С его левой руки свисала длинная железная цепь, которой обычно сцепляли друг с другом рабов на галерах и приковывали к ней. Это был четвертый царь! Здесь, на далеком Западе, у границы с Бельгией и Францией, встретил я в первый раз изображение четвертого царя. Я полагал, что это чисто русская легенда. Выходит, в Средневековье она была известна также и на Западе.

Я не мог насмотреться на эту картину. Перед моими глазами стоял тот праздник Рождества, когда дядя Ваня рассказывал нам историю о четвертом царе. Должно быть, я так долго стоял перед картиной, что на меня обратил внимание смотритель музея. Он подошел ко мне и стал рядом:

— Вы не можете оторваться от этой картины. Разве есть в ней что-то особенное?

Я стяхнул с себя очарование. Смотритель музея, вероятно, принял меня за сумасшедшего.

— Знаете, что изображает эта картина?

— Конечно, это знает каждый ребенок! Тут изображено поклонение трех святых царей.

— Вы почти правы. Да, это поклонение Младенцу Иисусу... Только святых царей здесь не три, а четыре. Видите этого человека у колонны, который наполовину спрятался, с цепью на руке? Это четвертый царь.

— Да что вы, никогда не было никакого четвертого царя! — возразил смотритель зала.

Я начал рассказывать ему историю северного царя. Он был очень заинтригован.

— Подождите, я позову директора, он сейчас наверху, он тоже должен это выслушать!

Привлеченные моим рассказом, около картины стали собираться посетители музея.

Подошел директор. Я повторил еще раз рассказанную дядей Ваней историю. Вокруг нас собиралось все больше и больше людей, все внимательно слушали меня. Я окончил свой рассказ. Директор с благодарностью пожал мне руку. Он эту легенду никогда не слышал. Однако очевидно, что средневековый мастер знал о четвертом царе, о его приключениях на пути в Вифлеем. Директор музея загорелся желанием тщательно осмотреть все старинные полотна с этим сюжетом — не изображали ли другие старые художники четвертого царя?

Он поспешно ушел, а посетители музея не спешили расходиться, пристально рассматривали картину. Одна симпатичная белокурая дама обратилась к своему спутнику:

— Ты помнишь нашего друга, врача Боизи, который оставался до конца в сибирском лагере, до самой последней отправки в Германию, чтобы помочь своим солагерникам? Не про него ли эта история?

Я прислушался к их разговору. Боизи Гах был моим лучшим другом, он оказался в Сибири, в долгом плену, вернулся не так давно на родину и вскоре скончался. Я обратился к супружеской паре:

— Извините, вы говорили о Боизи... Не имели ли вы в виду Боизи Гаха? Он был моим лучшим другом, мы вместе учились.

Боизи Гах оказался нашим общим знакомым. Супружеская пара была очень растрогана, и они пригласили меня пообедать в ресторан, расположенный неподалеку. Я рассказал им о моей многолетней дружбе с Боизи. Когда кончилась война, я работал в управлении здравоохранения и по долгу службы должен был вести множество переговоров с советскими офицерами оккупационной зоны. От жены Боизи, которая проживала в Бонне, я знал, что он попал в плен под Сталинградом. Говорят, что его должны были переправить самолетом за линию фронта, однако он отказался и остался с пленными солдатами. Я узнал его номер. В разговоре с одним советским полковником, с которым я часто по долгу службы имел дело и который относился ко мне очень дружелюбно, я спросил, существует ли возможность досрочного освобождения из плена одного врача. Полковник ответил, что, если он не был нацистом, это, по всей видимости, возможно. Я заверил его, что Боизи никогда не был нацистом, передал ему анкетные данные Боизи и настойчиво просил походатайствовать за него. Я сообщил об этой встрече жене Боизи. Несколько месяцев спустя я встретил полковника, который обрадовал меня: он имеет надежные сведения, что мой друг ближайшим транспортом вернется на родину. Я сердечно поблагодарил его и поспешил сообщить об этом жене Боизи в Бонн. Однако возвращения Боизи нам пришлось ждать целых три года. Знакомый русский полковник вскоре после этого был переведен куда-то в другое место. Почему Боизи не отпускали домой — узнать было не у кого. Моя переписка с его женой пресеклась. Она, должно быть, посчитала меня за хвастуна и болтуна, я же не мог сообщить ей ничего конкретного и утешительного. Когда Боизи наконец вернулся из плена, его жена вскоре умерла. Да и сам он ненадолго пережил ее.

Супружеская пара внимательно выслушала мой рассказ.

— Это только одна половина истории. Теперь мы расскажем вам другую половину, как мы ее знаем. Наш сын находился в том же лагере, что и Боизи. Они подружились. Наш сын заболел тифом и был совершенно обессилен. В это время составлялся транспорт из военнопленных для скорейшего возвращения в Германию. Боизи был включен в этот список. Он пошел к лагерному начальству и попросил вместо него в первую очередь отправить в Германию нашего сына, иначе он бы не выжил. Начальник лагеря растерянно посмотрел на Боизи и сказал только: «Дурак!» Наш сын вернулся домой — скелет скелетом, но мы его выносили и спасли от смерти. Боизи написал нам письмо, когда он три года спустя вернулся в Германию, и посетил нас. Его жертве мы обязаны жизнью нашего сына. Мы этого никогда не забудем.

— О, я непременно должен попросить прощения у русского полковника: ведь я грешил на него, думая, что он меня обманывает, не может ничем помочь Боизи и только для моего утешения говорит пустые успокаивающие слова... Но перед каким выбором стоял Боизи! С одной стороны — возможность вернуться к своей жене и сыну, с другой стороны — спасти боевого товарища. Раздумывать было некогда, он принимал решение сердцем. Он так и не рассказал жене о своем поступке — она не смогла бы этого перенести. Воистину, Боизи похож на четвертого царя. Но самое чудесное и удивительное, что четвертый царь вас привел в музей и вы от меня услышали его историю.

1974

*Перевод с немецкого Н.Каверина.
Рождество Христово 2004/2005 г.*